

Фокин Александр Александрович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Института социально-гуманитарных наук, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень, a.a.fokin@utmn.ru

DISASTER JOKES В ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00218 «Практики взаимодействия власти и общества в позднесоветский период (1956–1985 гг.)».

Любой пользователь социальных сетей в современном мире может заметить, что в восприятии катастроф люди довольно быстро проходят от стадии страха до стадии юмора. Так, пандемия COVID-19 породила не только масштабные меры государственного контроля и биополитики, но стала одной из главных тем шуток в 2020 г. Если раньше юмористический фольклор распространялся преимущественно через устную коммуникацию и это накладывало определенные ограничения на скорость и охват аудитории, то в современном мире электронные средства коммуникации позволяют транслировать фольклорные тексты гораздо более активно.

Disaster jokes, как одна из форм юмористической культуры, стали объектом анализа относительно недавно. Основу изучения подобного юмора заложили работы американских антропологов, которые стали собирать шутки после взрыва «Челленджера» в 1986 г. [Simons, 1986]. Важным аспектом катастрофы «Челленджера», как и событий 11 сентября 2001 г., была трансляция по телевидению, что это событие одновременно могли видеть огромное количество людей в разных частях мира и таким образом сформировалась общая основа для юмора. Высказывается даже предположение, что до эпохи телевиденья disaster jokes либо не существовали, либо имели очень ограниченное хождение и поэтому не смогли сохраниться. В качестве аргумента приводится наблюдение, что шутки

про «Титаник» появились не после его гибели в начале XX в., а после выхода фильма в 1997 г. [Губанов, Рокотянская, Губанов, 2018. С. 330].

Важной особенностью disaster jokes является тот факт, что многие люди негативно реагируют на такие шутки, считая их неуместными. Тогда возникает вопрос о том, почему такой юмор не просто появляется, но и активно функционирует в обществе. А. Архипова и А. Кирзюк, анализируя советский фольклор о возможной ядерной войне, приходят к выводу, что «юмор жизненно необходим свидетелям катастрофы — он помогает справляться с ужасом и болью, и поэтому шутки довольно быстро и широко распространяются» [Архипова, Кирзюк, 2020. С. 453].

По меткому выражению Э. Хобсбаума XX в. стал «веком катастроф». Советский Союз был государством, жители которого возможно в большей степени пострадали от «короткого XX века», поэтому следует посмотреть, как различные трагические события отражались в юморе. В качестве источниковой базы будет использован указатель сюжетов анекдотов, подготовленный М. Мельниченко [Мельниченко, 2014]. Следует отметить, что анекдоты играли важную роль в советской культуре, а в позднесоветском обществе умение «травить» анекдоты было показателем культурности человека.

Можно отметить, что фактически все трагические события советской истории так или иначе оказались зафиксированы в фольклоре, что опровергает идею и решающей роли телевиденья в этом процессе. В качестве примера можно привести анекдоты *про голод*: Во время голода на Украине опухший крестьянин подходит на станции к кассе и, протягивая полную пригоршню бумажных денег, просит билет. «Куда?» — спрашивает кассир. «На все...» [2202А]; *политические репрессии*: Звонок из одного райкома в другой: «Как идет уборочная кампания?» — «Да почти всех уже убрали. Остались две машинистки и курьер» [1702]; *природные катастрофы*: А/р «Каково число пострадавших от землетрясения в Ташкенте?» — «Двое: одна татарка и одна Кашгарка» [3121]. Следует

оговорится, что ряд катастроф не были зафиксированы в сборниках анекдотов, так не были найдены шутки про землетрясение в Армении в 1988 г., хотя в позднесоветский период анекдоты от лица «армянского радио» были очень популярны, а также нет шуток про блокаду Ленинграда. Иногда она упоминается, как антипод текущей ситуации: «Лектор сказал, что скоро мы все будем жить при коммунизме». — «Ничего, блокаду пережили и коммунизм переживем» [427/999], но анекдоты, которые бы высмеивали непосредственно блокадную ситуацию не были зафиксированы. Хотя А. Архипова в личной беседе высказывала мысль, что анекдоты про дистрофиков, которые активно ходили в Советском Союзе, могли быть намеком на людей в блокадном Ленинграде.

В данной статье внимание будет сосредоточено на анекдотах, посвященных аварии на Чернобыльской АЭС. Эта катастрофа интересна тем, что она имела глобальный характер и ее последствия затронули не только СССР, но и соседние страны, что она произошла в контексте политики «гласности», а также была связана с имиджем советской науки.

Ядерная энергетика в СССР была одной из главных научных областей, поскольку работала на оборонную промышленность. Стоит подчеркнуть, что в идеологических установках подчеркивалась важность советского мирного атома, что первые атомные реакторы, первый атомный ледоход и т.д. были созданы в СССР. Советская наука укрощала атом на благо советского человека. Одновременно с этим атомная энергия позиционировалась как экологически чистая, а риторика борьбы за защиту окружающей среды тоже была популярной темой в позднесоветский период. Советские политики и ученые говорили, что капитализм разрушает планету и только социализм может защитить мир от глобальной экологической катастрофы. Поэтому заражение огромной территории радиацией наносило огромный репутационный удар как по советской науке, которая не могла обеспечить должного уровня безопасности технологии, так и по

советской экологической политике, ибо именно СССР становится источником самого масштабного радиационного заражения в истории человечества.

Всего зафиксировано 65 анекдотов на тему Чернобыльской катастрофы. Это большая цифра, которая показывает, что население довольно активно отреагировало на информацию об аварии на АЭС. Возможно, еще одним фактором такого количества анекдотов было то, что авария случилось в самом конце существования СССР и снятия формальных запретов на политические анекдоты.

Если рассмотреть чернобыльские анекдоты, можно четко увидеть, как они развивались следом за событиями. Первые анекдоты обыгрывали ситуацию, когда советское руководство не могло определиться с линией поведения и выдавало противоречивую информацию: А/р «Погашен ли уже пожар на реакторе или еще продолжается?» — «Уже погашен, хотя и продолжается» [4200]. В условиях «гласности» попытки скрыть информацию о масштабной катастрофе воспринимались как удар по самой системе, что провозглашаемые принципы не работают: «Михаил Сергеевич, вы же сказали, что как только получите надежную информацию по Чернобылю, она тут же станет достоянием советских людей!» — «А мы с Раисой Максимовной разве не советские люди?» [4211].

Следующей темой было то, что, несмотря на аварию, в Киеве и других городах было решено провести первомайское шествие, подвергающее людей дополнительному риску заражения: А/р «На первомайской демонстрации в Киеве на трибунах — партактивные, во главе колонн — спортактивные, в колоннах — радиоактивные. Улицы излучают радость» [4214]. В анекдоте подчеркивается, что люди в колоннах получают дозу, а сами улицы светятся от радиации.

Но не только улицы, но и другие привычные товары под воздействием радиации трансформируются: Магазины «Овощи–фрукты» в Киеве были переименованы в «Радиотовары» [4231]; «Вы припрятанные продукты как сквозь стену видите!» Сотрудник киевского ОБХСС: «Я просто пользуюсь

радиационным дозиметром» [4232]. Теперь вещи становятся опасными, ибо несут в себе потенциальную невидимую угрозу.

Но довольно быстро происходит «одомашнивание» радиации: На базаре сидит женщина с мешками и кричит: «Картошка из Чернобыля! Картошка из Чернобыля!». Подходит к ней парень: «Ты что, тетка, немножко того? У тебя ж ее никто не возьмет». — «Еще как берут, милый! Для тещи, для соседей...» [4230А]. В этом анекдоте мы видим, как сталкиваются два взгляда на ситуацию. Парень видит в радиации угрозу, которая лишает картошку потребительских свойств; продавщица, наоборот, видит в радиации возможность сделать свой товар уникальным и повысить его привлекательность (то есть наличие радиации уже не минус, а плюс).

Финальным этапом можно считать анекдоты, в которых люди уже не обращают внимание на радиацию; она полностью входит в их жизнь и становится обыденностью: Приезжает в деревню к деду внук. «Деда, какие у тебя большие сливы!» — «Это не сливы, милоч! Это вишни!» — «Деда, а какие у тебя большие тыквы!» — «Это не тыквы, милоч! Это груши!» — «Ой, деда, слухай, как у тебя соловей заливается!» — «Не-а, это не соловей! Это счетчик Гейгера...» [4252А]. То есть для деда повышенный радиационный фон это уже норма, и счетчик Гейгера становится привычной частью деревенского ландшафта как трели соловья.

На примере данного кейса видно, что, как только исчезает непосредственная угроза жизни, включаются компенсаторные механизмы, которые позволяют переосмыслить ситуацию из трагического в комическое. Чернобыльские анекдоты показывают, как каждый новый эпизод трагедии порождает новую порцию шуток, можно даже выстроить определенную хронологию, исходя из содержания анекдотов. Как в самих анекдотах радиация из угрозы становится обыденностью, так и форма анекдотов позволяет быстрее примириться с самой катастрофой, превратить ее из непонятного и пугающего в нечто приемлемое для восприятия. Можно сказать, что *disaster jokes* является инструментом доместикации катастрофы.

Литература

Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 536 с.

Губанов Н.Н., Рокотянская Л.О., Губанов Н.И. Черный юмор: превращение трагедии в абстрактную идею // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. № 3 (43). С. 328–340.

Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М.: Новое литературное обозрение, 2014. 1104 с.

Simons E.R. The NASA Joke Cycle: The Astronauts and the Teacher. Western Folklore. 1986. 45 (4). 261–277.